

Формула «правительство доверия»
в представлениях общественности:
из истории политических понятий
накануне 1917 г.

Александр Б. Асташов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, abastash@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматривается вопрос о трансформации формулы власти в России в годы Первой мировой войны от «правительства доверия» до «правительства, ответственного перед народом». Эволюция этой политической стратегии анализируется в зависимости от объективных требований для всех воюющих стран к войне нового типа, требовавшей национального единства, включая самые широкие слои населения, и регулирования народного хозяйства, ограничивавшее рыночные механизмы и ведущее к переходу экономики на рельсы всеобъемлющего регулирования вплоть до планирования. В центре внимания статьи находятся особенности формирования представительства общественных и демократических элементов в составе общественных организаций всероссийских союзов земств и городов, что и обеспечило поддержку смены формулы власти в зависимости от социально-политических процессов в годы войны. Автор приходит к выводу, что в условиях России это происходило в рамках смены формулы власти: от «правительства доверия», ответственного перед «Прогрессивным блоком» Ценовой Государственной думы (1915 г.), к концепции правительства, ответственного перед блоком ценовых общественных элементов в составе «правительства доверия перед страной» (1915–1916 гг.), и далее под давлением широкого блока демократических общественных элементов города и деревни, участвовавших в организации страны для обороны и организации народного хозяйства, к формуле «правительства, ответственного перед народом» (1916 – начало 1917 г.).

Ключевые слова: правительство доверия, ответственное правительство, ценовые общественные элементы, городская демократия, всероссийские союзы земств и городов, организация страны для обороны, организация народного хозяйства

Для цитирования: Асташов А.Б. Формула «правительство доверия» в представлениях общественности: из истории политических понятий накануне 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 74–82. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-74-82

The formula “government of trust”
in the perceptions of the public.
From the history of political concepts
on the eve of 1917

Aleksandr B. Astashov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, abastash@yandex.ru*

Abstract. The article, based on archival materials, deals with the transformation of the power formula in Russia during World War I from the “government of trust” to the “government responsible to the people”. The evolution of that political strategy is analyzed in relation to the

objective requirements for all warring countries to a new type of war, which were the national unity, including the widest strata of the population, and the national economy regulation, limiting market mechanisms and leading to the transition of the economy to the rails of comprehensive regulation right up to planning. The article focuses on the specifics in the formation of representation for public and democratic elements in the public organizations of All-Russian unions of zemstvos (system of local administration) and cities, which provided support for the change of the formula of power depending on the socio-political processes during the war. The author comes to the conclusion that in the Russia conditions it occurred within the framework of the change of the power formula: from the “trust government”, responsible to the “Progressive bloc” of the census State Duma (1915), to the concept of the government responsible to the bloc of census public elements within the “trust government before the country” (1915–1916) and then under the pressure of a broad bloc of democratic public elements in the city and the countryside involved in the organization of the country for defense and of the national economy to the formula of “government responsible to the people” (1916 – early 1917).

Keywords: government of trust, responsible government, census public elements, city democracy, all-Russian unions of zemstvos and cities, organization of the country for defense, organization of the national economy

For citation: Astashov, A.B. (2021), “The formula ‘government of trust’ in the perceptions of the of the public. From the history of political concepts on the eve of 1917”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 74–82, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-74-82

Вопрос о выработке и значении формулы власти «правительство доверия» является одним из самых частых сюжетов в исследованиях общественно-политической борьбы дореволюционной России. Как понятие политической лингвистики оно возникло в начале XX в. в ходе мобилизации общества для реализации своих целей – во время Первой русской революции. Происходило это главным образом в стенах Государственной думы в рамках тактических шагов оппозиции, стремившейся к объединению всех политических сил, стоявших на позиции демократических преобразований. Сложность этой идейно-политической конструкции отразилась и в историографических исследованиях вплоть до последнего времени, где понятие «правительство доверия» нагружалось крайне политизированными оценками, сводившими смысл противоборства к борьбе «либерального» или «буржуазного» общества с самодержавием [Ерошкин 1979; Гайда 2016, с. 14; Куликов 2004, с. 29–32, 43–44, 46–49, 51, 394–395, 397; Власть и реформы 1996, с. 536; Россия в годы 2014, с. 428, 436, 445]. Целью данной статьи является прояснение эволюции этапов формулы «правительственного доверия». Наиболее важным аспектом этой общественно-политической борьбы является борьба демократических сил в составе «общественных организаций», и самой активной из них – Союза городов.

В России самодержавная власть не допускала влияния общества на политику, даже если использовала идеи представителей общественности для реформ. Впервые вопросы взаимоотношений власти и населения стали рассматриваться в общественно-политической лексике со времени общественно-политического кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. [Власть и реформы 1996, с. 372–375].

Однако на практическую почву вопрос встал только перед Первой революцией, когда сформировалось общество в виде местного самоуправления – «городская и земская Россия». Именно из его рядов в ходе «земско-городских съездов» возникли политические заявления в адрес самодержавия. С этого же времени возникла формула власти «правительства доверия», которое учитывало бы пожелания общества.

В годы Первой мировой войны общество впервые приобрело важные функции деловых структур, с которыми власти вынуждены были считаться в деле помощи армии в гуманитарной сфере. В результате изменилась и позиция самих властей к обществу и общественным организациям, которых поддерживали армия и часть бюрократии, что позволило обществу сформулировать по-новому отношения с самодержавием.

После поражения русской армии летом 1915 г., ответственность за которое в обществе возлагали на царское правительство,

оппозиция в рамках «Прогрессивного блока» в составе Государственной думы потребовала создания правительства, отвечавшего общественным ожиданиям, используя две формулы: «правительство доверия» и «ответственное правительство». Первую формулу отстаивали кадеты во главе с их лидером П.Н. Милоковым. Эта формула предполагала создание правительства, назначаемого царем, но учитывавшего пожелания «Прогрессивного блока» («страны»), представлявшего большинство Государственной думы, с ограниченной программой реформ [Кризис самодержавия 1984, с. 558–559]. Понятие «правительство доверия» с его нарочито неопределенной программой позволяло сохранять единство разнородных политических сил под прикрытием работы на оборону, чего нельзя было осуществить при поддерживаемой прогрессистами формуле «правительство, ответственно перед Думой» [Милоков 2001, с. 29; Власть и реформы 1996, с. 619; Дякин 1967, с. 107–109].

В отличие от правоориентированного «Прогрессивного блока» существовал более широкий внепарламентский центр оппозиции, где выделялись всероссийские союзы земств и городов, использовавшие во время войны возможность включать в свой состав представителей из нецензовых элементов («третьего элемента»), т. е. служащих самоуправлений, а также других представителей городской демократии (профсоюзов, кооперативов, попечительств о бедных и т. п.), эсеро-меньшевистских по политической окраске¹. На концепции общественников оказывали влияние идеи «организации тыла», национального мира, «бургфридена» и т. п., широко распространившиеся в других воевавших странах [Шкундин 2002, с. 297–298, 310–311, 403–405, 419–420, 509; Май 1993, с. 15–35]. Своей тактикой союзы избрали приоритет «деловой» работы, предостерегая от партийных разногласий между обществом и властью и в самом обществе².

Центральными идеями общественников были организация страны для обороны и организация народного хозяйства. Эта стратегия предусматривала сотрудничество всех «живых сил» страны в решении задач обороны и социально-экономических проблем, вызванных войной. Под «живыми силами» понимались «организованная общественность» и демократические нецензовые элементы, участвовавшие в деле обороны, и приемлемые для общественности круги бюрократии. Предполагалось, что общественные организации (союзы и военно-промышленные комитеты), а также другие

¹ Журнал Главного комитета Всероссийского союза городов. 1914. 28 сент. № 7. С. 5–6; Материалы к вопросу о расширении деятельности экономического отдела Всероссийского союза городов. М., 1916. С. 7–28.

² Русские ведомости. 1915. 25 и 27 июня.

«организованные» слои населения, даже работая в существующих правительственных экономико-регулирующих учреждениях, сумеют более эффективно, чем власти, решить проблемы обороны и экономики. Одновременно в ходе работы на оборону происходила бы фактическая легализация «общественных» (союзы, ВПК) и общественно-демократических (рабочие группы при ВПК, профсоюзы, продовольственные комитеты, кооперативы и т. п.) сил и их приобщение к государственной деятельности. Увенчивало систему «организованного тыла» правительство, ответственное перед «страной» в лице названных общественных и демократических органов. От власти общественники ожидали «доверия» и «веры» в «общество», а от демократических организаций – сохранения «внутреннего мира» в стране³.

Однако среди общественности уже в начале 1915 г. выделились левые круги, выступавшие за «принцип совместной работы всех без исключения сил для единой цели победы». Такая консолидация левой общественности, главным образом городской демократии, происходила в рамках борьбы с дороговизной под нарастающим давлением многочисленных экономических совещаний в городах, научных обществ, торгово-промышленных кругов, потребительских обществ, кооперативов, рабочих организаций, работников земской и городской статистики⁴. Борьба с дороговизной мыслилась посредством создания общеимперского органа, который должен был взять на себя решение всех вопросов обеспечения и населения и армии продовольствием, а также транспортной и топливной проблемы. Представители городской демократии также поддерживали концепцию «организации страны» для обороны, считая необходимым привлечение к этому делу широких народных слоев, дав им необходимые права, обеспечив таким образом равные условия для всех слоев нации⁵. Демократической концепции «организации страны» соответствовала и их

³ Журнал Главного комитета Всероссийского союза городов. 1915. 5 июня. № 33. С. 5–28; Труды совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии. Москва, 11–13 июля 1915 г. М., 1915. С. 1.

⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 3. Л. 191; Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 19. С. 31; Журнал Главного комитета Всероссийского союза городов. 1915. № 25. С. 8; № 27. С. 12–13.

⁵ Свод резолюций Кавказского, Самарского и Петроградского областных съездов по дороговизне. М., 1915; Труды совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии. Москва, 11–13 июля 1915 г. М., 1915, с. 35–37, 65.

политическая программа, предусматривавшая «коренное переустройство государства», «демократизацию сверху донизу»⁶ [Аврех 1985, с. 199–203].

На дальнейшую эволюцию деятельности союзов оказала большое значение работа с конца августа особых совещаний по обороне, продовольствию, перевозкам и топливу, в которых союзы приняли самое активное участие⁷. Но союз с левыми силами в рамках Всероссийского союза городов (ВСГ), союз «со страной», неизбежно ставил перед соговорцами проблему политическую, которая выражалась в требовании создания «правительства, ответственного перед народным представительством», включавшим структуры, созданные в ходе организации страны для обороны⁸.

С октября 1916 г. в стране разразился общественно-политический и социально-экономический кризис, вызванный резким обострением продовольственного вопроса и отказом властей принять согласованную продовольственными органами программу введения твердых цен на хлеб⁹. Кампания городских дум, кооперативов против «расстройства тыла», за «принудительное отчуждение продукта» и т. п.¹⁰ сопровождалась во многих городах стихийными действиями по реквизиции товаров первой необходимости, требованием уплотнения квартирохозяев, введения плановых мероприятий на железных дорогах, карточной системы на продукты, созданием комитетов против спекулянтов и т. п. Городские думы, их продовольственные и жилищные комиссии ставили вопрос о введении явочным порядком плановой системы в народном хозяйстве, установлении правительства, учитывавшего интересы городской России¹¹.

Одновременно левые деятели ВСГ потребовали проведения в жизнь плана организации народного хозяйства, а для этого – «не уклоняться от ответственности за управление государством», взять

⁶ Труды совещания по экономическим вопросам... С. 122–123; Русские ведомости. 1915. 14, 15 июля.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12593. Оп. 1. Д. 2579. Л. 1–6; Журнал Главного комитета Всероссийского союза городов. 1915. 20 сент. № 41. С. 4–6.

⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 225. Оп. 8. Д. 44. Л. 1.

⁹ РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 2622. Л. 7, 8, 11.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 188. 1916 г. Д. 117. Л. 1–44.

¹¹ Городское дело. 1916. № 21. С. 1013–1025; № 22. С. 1065–1069; № 23. С. 436–1138; № 24. С. 1192–1194.

власть в свои руки¹². В ноябре часть служащих ВСГ приняла резолюцию «за прекращение войны и заключение мира» «без насильственных аннексий и контрибуций» и за «коренные преобразования политического строя» России¹³.

Требования в пользу правительства, ответственного «перед народом» содержались в резолюции съезда ВСГ и продовольственного съезда, разогнанных 9 декабря¹⁴. На состоявшемся вечером того же дня частном совещании членов 5-го съезда Союза городов прозвучали требования решительной борьбы за власть с правительством «рука об руку с трудящимися»¹⁵. В декабрьские дни резко активизировалась деятельность «третьего элемента» в союзах, призвавшего к «борьбе за власть» и за «ответственное перед народом правительство». Кризис союза «общественности» и власти привел к усилению левых тенденций в демократическом лагере и смене самой формулы власти.

Заключение

В годы Первой мировой войны взаимоотношения власти и общества претерпели важные изменения. В их основе были возрастание деятельности общественных структур, входивших в общественные организации в направлении все большей демократизации и расширения объема деятельности. Формула «правительство доверия», оглашенная в Государственной думе в 1915 г., означала лишь новый этап взаимоотношений власти и общества в рамках Государственной думы, объединенной в рамках «Прогрессивного блока», т. е. широкой коалиции партий, противостоявших царизму. Ему противостоял лозунг правительства, ответственного перед Думой. Но среди общественных организаций возникла формула правительства, ответственного перед страной, т. е. комплексом общественных организаций. Эта политическая формула в свою очередь превратилась в требование правительства, ответственного перед «народом», т. е. широким спектром демократических организаций. Это привело к закономерной трансформации формулы

¹² Журнал Исполнительного бюро Всероссийского союза городов. 1916. 5 окт. № 232. С. 2, 14–16.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 343зс. Т. 4. Л. 94 об., 116 об.–116а, 195–195 об.

¹⁴ Там же; РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 21. Л. 8–8 об.; Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 41–42. С. 52–60.

¹⁵ РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 2622. Л. 232–234.

правительства, ответственного перед народом, в прямое формирование этого правительства самим народом через механизмы всенародного волеизъявления.

Литература

- Аврех 1985 – Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. 259 с.
- Власть и реформы 1996 – Власть и реформы: От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 802 с.
- Гайда 2016 – Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 604 с.
- Дякин 1967 – Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Л.: Наука, 1967. 362 с.
- Кризис самодержавия 1984 – Кризис самодержавия: 1905–1917 / Отв. ред. В.С. Дякин. Л.: Наука, 1984. 663 с.
- Ерошкин 1979 – Ерошкин Н.П. [Рец.]: В.И. Старцев. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия») // Вопросы истории. 1979. № 6. С. 120–123.
- Куликов 2004 – Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: НРИИД, 2004. 472 с.
- Мау 1993 – Мау В. Реформы и догмы: 1914–1929. М.: Дело, 1993. 256 с.
- Милюков 2001 – Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
- Россия в годы... 2014 – Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. 982 с.
- Шкундин 2002 – Шкундин Г.Д. (отв. ред.) Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк. М.: Наука, 2002. 686 с.

References

- Anan'ich, B. (ed.) (1996), *Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoj Rossii* [Power and Reforms. From autocratic to Soviet Russia], Dmitry Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Avrehk, A. (1985), *Raspad tret'eiyun'skoi sistemy* [The collapse of the Tret'eiyunskii (the 3^d of June) system], Nauka, Moscow, USSR.
- Dyakin, V. (1967), *Russkaya burzhuziia i tsarizm v gody pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [Russian Bourgeoisie and Tsarism during the First World War (1914–1917)], Nauka, Leningrad, USSR.
- Dyakin, V. (ed.) (1984), *Krizis samoderzhaviia. 1905–1917* [Crisis of the autocracy: 1905–1917], Nauka, Leningrad, USSR.
- Eroshkin, N. (1979), “[Book review] V.I. Startsev. The Russian Bourgeoisie and Autocracy in 1905–1917. (The Struggle Around the ‘Responsible Ministry’ and the ‘Government of Trust’)”, *Voprosy istorii*, no 6, pp. 120–123.

- Gaida, F. (2016), *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917)* [Power and the Public in Russia. Dialogue on the Path of Political Development (1910–1917)], Russii Fond sodeistviya obrazovaniyu v nauke, Moscow, Russia.
- Kulikov, S.V. (2004), *Byurokraticheskaya elita Rossiiskoi imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917)* [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)], NRIID, Ryazan, Russia.
- Mau, V. (1993), *Reformy i dogmy. 1914–1929* [Reforms and Dogmas. 1914–1929], Delo, Moscow, Russia.
- Milyukov, P. (2001), *Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii* [History of the second Russian revolution], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Petrov, Yu. (ed.) (2014), *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozhenie, social'nye protsessy, politicheskii krizis* [Russia during the First World War. Economic Situation, Social Processes, Political Crisis], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Shkundin, G. (ed.) (2002), *Mirovye voiny XX veka: V 4 kn. Kn. 1: Pervaya mirovaya voina: Ist. ocherk* [World Wars of the 20th Century: In 4 books. Book 1: World War I: Hist. Essay], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр Б. Асташов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; abastash@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr B. Astashov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; abastash@yandex.ru